

Абсурд как принцип сюжетостроения в романе «Идиот» Ф.М. Достоевского

Бреслер Дмитрий Михайлович

Студент Башкирского государственного университета, Уфа, Россия

Р.Г. Назиров в одной из своих работ утверждает, что князь Мышкин «творит» сюжет «Идиота» наравне с автором. Исследователь пишет, что текст романа «есть субъективный сюжет в объективном повествовании» [Назиров: 146]. В общем, соглашаясь с важной ролью главного героя как двигателя сюжета, необходимо, однако, заметить, что определяющим в смене событий романа является не активная деятельность князя (на чем настаивал Назиров), а изменение его душевного состояния, внутреннее развитие его образа. Трансформация образа главного героя задает тон в развитии романа, наполняет его определенной идеологией. Однако важен и сам механизм трансформации, который, как нам представляется, является постоянным на протяжении всего повествования. Ключом к пониманию этого принципа может являться сцена в доме Епанчиных, а точнее, рассказ князя о том, как его разбудил крик осла близ Базеля во время его пути в лечебницу доктора Шнейдера.

Непосредственно рассказу князя предшествуют две фразы, выступающие в качестве условия, в котором князь будет говорить и при учете которого следует воспринимать сказанное. Это реплика Аделаиды: «Матап, да ведь этак странно рассказывать» [Достоевский: 57] – и замечание самого Мышкина: «ум хотя и работал, но логическое течение мысли как бы обрывалось» [Достоевский: 58]. Цитаты предупреждают нас о том, что далее повествование будет необычно и лишено привычной логики – как для участников сцены, так и для самого говорящего.

Символическое содержание в образе кричащего осла не представляется существенным в рамках нашего исследования, так как данная сцена рассматривается в качестве яркого примера схемы действия двигателя сюжета – важен сам момент восприятия этого зрительного (и, безусловно, акустического) образа. В один миг, «вдруг» «осел ужасно поразил меня [князя] и необыкновенно почему-то мне понравился, а с тем вместе вдруг в моей голове как бы все прояснело» [Достоевский: 58] – «чужая» Швейцария больше не «удивляла и не беспокоила» Мышкина. Связь между тоской по Родине и ослом – абсурдна и лишена логики, однако законна, на основании того, что действительна. Здесь важен момент, яркое впечатление (или сильное эмоциональное потрясение), появляющееся «вдруг» на стыке разных ситуаций, связывающее их, а в какой-то мере и объясняющее эту связь.

Так же важна функциональная однозначность, предельная простота, а значит, и универсальность такого образа-впечатления, которая достигается путем невозможности логического объяснения его связи с предыдущими и последующими событиями.

Помимо участия принципа «вдруг» в формировании внешне событийного пласта романа, важной его функцией является неожиданное внутреннее преобразование героев, их способность заключать в себе противонаправленные или противоположные стороны.

Лизавета Прокофьевна в описываемом нами эпизоде произносит показательную фразу: «...я всего добрее, когда злюсь» [Достоевский: 58]. Однако это чисто абсурдное высказывание в данном случае не ставит знак равенства между добром и злом, но уравнивает в правах эти этические категории – и добро, и зло одинаково вероятны, их проявление одинаково возможно. Абсолютным мерилom равновесия является именно способность неожиданного перехода из одного состояния в другое. Для осуществления этой возможности важны внутренние качества персонажа. Образ Льва Мышкина (заметим работу принципа сочетания несочетаемого даже на уровне имени героя) кажется определенной ступенью на лестнице мысли Достоевского, которая получит свое выражение в знаменитой формуле «всемирной отзывчивости». Именно так автор «Идиота» назовет, по его мнению, главную заслугу Пушкина перед русской литературой и в то же время главный его гений.

Таким образом, поэтика романа насквозь пронизана нитями абсурдных связей, которые находят свое проявление как на уровне сюжетостроения, так и на уровне формирования образов главных героев. Характер абсурдного в произведении (как уже было сказано ранее) напрямую зависит от развития образа князя Мышкина, который, в свою очередь, также подчиняется общим алогичным правилам.

В романе князь прошел путь, который можно условно назвать путем «вочеловечивания», где под «вочеловечиванием» следует понимать, прежде всего, живое участие в человеческих отношениях, наличие личной заинтересованности в этих отношениях, присутствие воли. В начале произведения князь Мышкин предстает перед нами смиренным, плывущим по течению чужих императивов с невинной полуулыбкой отстраненности. Но один взгляд на Настасью Филипповну «ослепляет» его чистые глаза, князь мгновенно влюбляется в нее – он вынужден действовать, чтобы добиться своей возлюбленной. Мышкин обретает капитал, социальный статус, друзей, соперников, завистников, врагов. Его стремительно засасывает в круговорот жизни, который на пути абсурда приводит к логичному концу.

Следовательно, мы имеем абсурд чистого впечатления, где отсутствие логики только вызывает не сходящую с уст улыбку князя и искорки смеха сестер Епанчиных, и абсурд, омраченный печатью экзистенциальных проблем (выраженных, отчасти, в болезненной речи Ипполита) – как своего рода диагноз обществу, развивавшемуся по схеме, заданной западной цивилизацией.

Литература

Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 15 т. Л., 1988–1996. Т. 6.

Назирова Р.Г. Равноправие автора и героя в творчестве Достоевского (к концепции полифонического романа) // Назирова Р.Г. Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Исследования разных лет. Уфа, 2005. С. 133–149.